

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Coe)-445
Б89

Marie Brennan (author), Todd Lockwood (illustrator)
WITHIN THE SANCTUARY OF WINGS

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов,
JABberwocky Literary Agency, Inc. (США) при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия).

Художественное оформление Тодда Локвуда

Печатается с разрешения автора при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского *Дмитрия Старкова*

Бреннан, Мари.

Б89 Естественная история драконов. В Обители Крыльев: Мемуары леди Трент : [фантастический роман] / Мари Бреннан; [пер. с англ.]. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 368 с., ил. — (Естественная история драконов).

ISBN 978-5-17-114060-1

«В Обители Крыльев» — пятая, заключительная часть увлекательных «Мемуаров леди Трент», созданных Мари Бреннан.

Минуло более четырех десятилетий (и, кстати, столько же томов), и, вероятно, вы уже хорошо знаете Изабеллу, леди Трент, выдающуюся натуралистку, персону весьма одиозную, благодаря окружению и героическим подвигам снискавшую скандальную известность, вполне сравнимую с всемирной славой первооткрывательницы, внесшей неопределимый вклад в науку драконоведения.

Теперь, после первых своих приключений в горах Выштраны, после экспедиции в раздираемую войнами Эригу, после кругосветного плавания на борту «Василиска», после раскаленных азиатских песков, леди Трент покорила немало сердец и энергичных умов. В этом, заключительном, томе серии она наконец-то поведает нам всю правду о самой шумевшей из своих авантур — о путешествии к сердцу высочайших гор мира, укрытому далеко в глубине территории заклятых врагов Ширландии, и о том, что обнаружила там — в Обители Крыльев.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Coe)-445

Copyright © 2017 by Bryn Neuenschwander
All rights reserved.

Cover and interior art © Todd Lockwood

© Д.А. Старков, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-114060-1

Гам-не

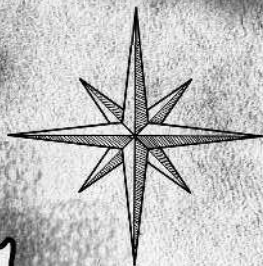
Че-гжа

гер. Нам-не Ротз

Чегжауский ледник

Место
носагку

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа над последним томом собственных мемуаров внушает крайне странные чувства. Нет, книга сия не станет хроникой окончания моей жизни — я, слава богу, пока жива и даже настолько крепка, что надеюсь прожить в счастье и радости еще немало лет. Не станет она и хроникой завершения моей научной карьеры: со времени описываемых здесь событий я сделала еще немало и кое-чем из сделанного весьма горжусь.

Однако, подозреваю, все последующее неизбежно разочарует читателя. В последние десятилетия жизнь моя, по сравнению с предшествовавшими годами, сделалась крайне размеренной. Горького опыта — кот наплакал, слухи о моей личной жизни давным-давно утратили свежесть, и... да, я очень горда тем, что сумела узнать об особенностях пищеварения так называемых «драконов-метеоров», обитающих в северной части Отоле, однако вряд ли это способно заинтересовать кого-либо, кроме специалистов-драконоведов (каковые, конечно же, могут утолить профессиональное любопытство, обратившись к моим научным работам). Одним словом, эта книга не завершит повести о моей жизни, но

МАРИ БРЕННАН

послужит финалом истории о том, как интерес к драконам привел меня к череде открытий, благодаря которым я прославилась на весь мир.

Должно быть, читателям, уже знакомым с развязкой данной истории, я покажусь на этих страницах ужасной тупицей и тугодумкой. Что ж, считайте меня кем-то сродни нашим предкам, твердо верившим, что солнце вращается вокруг земли: подобно им, я могла строить свои суждения только на наблюдаемых фактах, а наблюдения многие годы не складывались в полную картину. Не отыскав последних кусочков мозаики, я не могла увидеть целого, а поиски эти потребовали немалых усилий (не говоря уж о риске для здоровья и жизни). Здесь, на этих страницах, я пытаюсь воссоздать мир в том виде, каким он выглядел для меня в те дни, не позволяя себе слишком уж расцвечивать его современными знаниями. Пользуясь случаем, прошу прощения за неизбежные упущения и неточности, порожденные сим обстоятельством.

Однако не стоит забегать вперед. Прежде чем мы достигнем конца моего путешествия, рассказать предстоит о многом: о достижениях научного прогресса того времени, о различных конфликтах, известных под общим названием «воздушная война», и о судьбоносной встрече, подтолкнувшей меня к головокружительным высотам Мритьяхаймских гор. Надеюсь, мои слова окажутся способны передать вам хотя бы четверть пережитого мной изумления, восторга, а может, и толику ужаса. В конце концов, как узнать, чего стоит монета, не видя обеих ее сторон?

*Изабелла, леди Трент
Касселтуэйт, Линшиф,
10 вентиса, 5662 г.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

*в которой мемуаристка обзаводится
весьма неожиданным союзником*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Жизнь леди — Лекция в Кэффри-холле — Ученица
мужа — О полноте наших знаний — Теория Сухайла —
Гость из-за границы*

Вряд ли для вас окажется новостью, что члены сословия пэров отнюдь не всегда отличаются благонаравием. Возвысившись до их положения, я вполне могла бы удариться в разгул и начать проматывать свое состояние самыми разными способами, от безоговорочно респектабельных до совершенно им противоположных. Могла бы окунуться в жизнь высшего света, проводить дни в визитах в гостиные других леди, сплетничая о модах и очередных скандалах. А будь я мужчиной, могла бы окунуться в политику и попытаться занять место в окружении кого-либо из более влиятельных лиц.

Думаю, немногие из читателей будут удивлены, услышав, что от всего этого я воздержалась. Я никогда не питала склонности к азартным играм (особенно на собственные деньги), моды и скандалы нахожу крайне скучными, а ввязываться в политику стараюсь как можно меньше.

Конечно, это не означает, что я устранилась от подобных материй целиком. Точнее сказать, тут имел место некоторый самообман: преследовать определенные цели, рассуждала я, это ведь вовсе никакая не политика! Правда, я поддерживала своим именем и авторитетом Люси Деверье, многие

годы неустанно борющуюся за избирательные права для женщин, и тут уж я не вправе делать вид, будто мотивы сего к политике отношения не имели. Имя мое к тому времени обрело определенный вес, и моя поддержка могла послужить значительным подспорьем. В конце концов, разве не я была знаменитой леди Трент, дамой, выигравшей Баталию при Кеонге? Разве не я во главе собственной армии явилась под стены Пойнт-Мириам, когда в Байембе вторглись иквунде? Разве не я раскрыла секреты драконианского языка, не поддававшегося расшифровке со времен упадка сей древней империи?

Ответом на все эти вопросы, конечно же, было «нет». Расхожие описания моей жизни всегда сверкали так ярко, что совершенно затмевали реальность. Однако, памятуя о сем обстоятельстве, я чувствовала себя обязанной использовать его, где и когда смогу.

Но, безусловно, во всех остальных случаях я пользовалась им только во благо науке. Например, помогла основать в Фальчестере «Женскую школу Трент», где ученицам преподавали не только обычные для девочек музыку и литературу, но и математику, и ряд прочих точных наук. Когда в Меррифордском университете начали защищать первые диссертации в области драконоведения, я с радостью учредила для избравших эту стезю стипендию своего имени, а кроме этого поддерживала деньгами и иной помощью Международное Общество Драконоведов — результат работы, начатой нами с сэром Томасом Уикером в поместье Дар аль-Таннанин близ Куррата. Не столь официально я также поощряла рост Летучего Университета, пока он не оплел паутиной дружеских связей и общедоступных библиотек всю Ширландию, поймав в свои сети множество тех, кому не представилось иных возможностей получить образование.

Подобные вещи копят незаметно, мало-помалу, одна за другой, так что их и не замечаешь, пока они не поглотят всю вашу жизнь без остатка.

Вот и в тот день, когда мне предстояло отправиться на некую лекцию в Кэффри-холле, я снова выбилась из расписания (что сделалось в моей жизни состоянием вполне обычным). Говоря откровенно, единственной причиной тому, что я не пропустила лекции вовсе, послужили недавно купленные часы — феноменально уродливый агрегат, единственным достоинством коего, хотя многие сочтут сие недостатком, являлся невыносимо громкий бой. Бой этот был единственной силой, способной вырвать меня из эпистолярного забвения, поскольку мой дворецкий недавно поступил на военную службу, экономка оставила нас ради заботы о престарелой матери, а с теми, кто пришел им на смену, я еще не состояла в достаточно близких отношениях и полагаться на то, что они выдворят меня из кабинета насильно, не могла.

Однако, когда я сбежала по лестнице вниз, карета была готова. Вскоре я уже ехала к Кэффри-холлу, чему была немало рада, так как, пропустив эту лекцию, расстроилась бы до глубины души. В то время я еще не знала, что могла упустить много больше, чем предполагала изначально.

Снаружи собралась такая толпа, что я велела кучеру свернуть за угол, где вышла из кареты и проникла в Кэффри-холл через боковой вход. Таким образом, я оказалась куда ближе к первому порту назначения, то есть — к комнате рядом с главным лекционным залом. Приложив ухо к двери, я услышала за нею негромкое бормотание, означавшее, что тревожить лектора стуком не стоит, а посему тихонько приоткрыла дверь и проскользнула внутрь.

Сухайл расхаживал из угла в угол, сжимая в одной руке стопку бумажных листов, другой же рукой поигрывая концом развязанного галстука, словно углом головного платка. При этом он быстро, негромко бормотал себе под нос — с тем чтобы перед началом лекции, как всегда, в последний раз пробежаться по тезисам. Увидев меня, он остановился и вынул из кармана часы.

— Пора начинать?

— Еще нет, — ответила я. Об этом нетрудно было догадаться по гомону, слышному даже сквозь двери. — А вот я ужасно опоздала. Пришел новый отчет из Дар аль-Таннанина.

Дар аль-Таннанин был штаб-квартирой Международного Общества Драконоведов, а отчет касался работ по разведению медоежек с целью установить пределы лабильности — то есть, гибкости — развития их организма. Мы с Томом Уикером открыли сие явление совершенно случайно, пытаюсь определить, сколь значительные изменения окружающей среды способно выдержать драконье яйцо, не утратив жизнестойкости и не породив на свет дефективную особь. Дальнейшие исследования показали, что речь идет скорее не о дефективности, а о мутациях, каковые (если они удачны) адаптируют новорожденное животное к ожидаемым природным условиям.

Конечно, общепринятой наша теория еще не стала. С подобными теориями такое бывает всегда: даже микробная теория инфекционных заболеваний, спасшая в итоге множество жизней, приживалась в обществе поразительно долгое время. Приписать столь же колоссальное значение своей теории я не могу, однако мало-помалу, поколение за поколением медоежек, работа Общества закладывала фундамент, поколебать коего не удавалось и самым недоверчивым из критиков.

Лицо Сухайла озарилось улыбкой.

— Мне бы сказать, что я удивлен...

— Но это окажется ложью. У них появилась новая идея касательно того, как можно добиться увеличения медоежек в размерах. Я должна была прочесть отчет и подумать, не сумею ли помочь какими-либо рекомендациями. Да, кстати: может, тебе что-то нужно, прежде чем отправишься на съедение волкам?

Сухайл спрятал бумаги в кожаную папку, чтоб не измять их во взмокшей от пота ладони.

— Пожалуй, второго Камня с Великого Порога даже при твоих колоссальных способностях поблизости не найти, а именно это и было бы нужнее всего.

Возможно, вторая такая реликвия где-либо и существовала, но нам и с первой невероятно повезло, так что рассчитывать на подобное везение дважды не стоило. Камень с Великого Порога, на который мне посчастливилось наткнуться в джунглях Мулина, хранил драгоценнейший дар для языковедов — текст-билингву, верхняя часть коего состояла из непостижимых драконианских письмен, но нижняя, написанная на нгару, вполне поддавалась расшифровке. Основываясь на допущении, что содержание обеих частей идентично, мы впервые сумели понять, о чем говорится в драконианской надписи.

Не будучи лингвистом-языковедом, я наивно полагала, что этого довольно, что теперь-то, когда дверь отперта, драконианский язык разом раскроет все свои тайны, словно цветок — лепестки. Но все, конечно же, оказалось не так просто: прочесть надпись на Камне с Великого Порога как подобает мы еще не могли. Мы лишь узнали, что на нем написано, однако помочь в расшифровке других надписей это знание само по себе ничем не могло. Камень являлся всего-навсего первой зацепкой, отправной точкой, и не более того.

Конечно, отправная точка — это было гораздо больше, чем мы имели прежде, однако она являла собою лишь крохотный плацдарм для поисков следующего шага. Сухайл потянулся к голове, чтоб запустить пальцы в волосы, но вовремя сообразил, что приведет в беспорядок прическу, и опустил руку.

— Без более четкой структуры силлабария*, — задумчиво проговорил он, — большая часть того, что я имею сказать на сегодня, — только догадки.

— Однако догадки прекрасно обоснованные, — напомнила я, протягивая руки к его галстуку.

* Слоговая азбука. *Здесь и далее — примеч. пер.*